

DOI: 10.31857/S013038640014265-9

© 2021 г. М.А. ФЕЛЬДМАН

СИМПАТИЯ К РОССИИ КАК СПОСОБ ОПЕРЕДИТЬ ВРЕМЯ

Фельдман Михаил Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Екатеринбург, Россия).

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Researcher ID: AAE-3287-2020; Scopus ID: 36349821300

Аннотация. Статья посвящена вкладу монографий американского историка Роберта Такера и британского историка Роберта Дэвиса в изучение проблем советской истории, прежде всего, сложнейшего узла переплетения реализации индустриального проекта (первого пятилетнего плана), становления командно-административной системы; процесса милитаризации советской экономики. Залогом успеха историков стало кропотливое изучение исторических документов, свободное от идеологических канонов; исследование эволюции взглядов участников событий как сложного и изменчивого, зависящего от множества факторов процесса.

Заслугой Р. Такера является раскрытие степени, масштаба и двойственности политического маневрирования И.В. Сталина и его окружения в начале 1930-х годов. Осознание пагубности социально-экономического курса в годы первой пятилетки привело советское руководство к убеждению о необходимости более рациональной политики. Ответом Сталина стал политический маневр: согласившись на временную стабилизацию в экономике, генсек одновременно запустил противовес — общепартийную «чистку».

Р. Дэвису удалось показать характеристики комплекса стабилизационных мер, получивших название «миниреформ». Возникшая в результате «миниреформ» 1931–1933 гг. советская экономическая система воплощала в себе черты, отсутствующие в «командно-административной» модели. Деньги играли значительную, хотя и подчиненную, роль в советском государственном социализме, а «экономический учет» ставился как вспомогательная цель.

«Миниреформы» начала 1930-х годов отражали сталинское понимание сути кризиса и путей выхода из него и носили ограниченный, запаздывающий и непоследовательный характер. Способность режима к выживанию оказывалась в прямой зависимости от судьбы индустриализации в СССР.

Ключевые слова: Роберт Такер, Роберт Дэвис, Россия, СССР, Сталин, индустриализация, планирование, пятилетний план, промышленность, мифология.

M.A. Feldman

Sympathy for Russia as a Way to Get Ahead of Time

Mikhail Feldman, Department of Public Administration and Political Technologies, Ural Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg, Russia).

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Researcher ID: AAE-3287-2020; Scopus ID: 36349821300

Abstract. The article is devoted to the contribution made by the monographs of the American historian Robert Tucker and the British historian Robert Davis to the study of the problems of Soviet history, first of all, to the study of the complex interplay of the implementation of the industrial project (the first five-year plan), the formation of the command-administrative system, the process of militarization of the Soviet economy. The key to the success of historians has become a painstaking study of historical documents, free from ideological canons; study of the evolution of the views of the participants in the events as a complex and changeable process that depends on many factors.

The merit of R. Tucker's research is to reveal the degree, scale, and duality of the political maneuvering of J. Stalin and his inner circle in the early 1930s. Awareness of the harmfulness of the socio-economic course during the first five-year plan led the Soviet leadership to the conviction of the need for a more rational policy. J. Stalin's response was a political maneuver: by agreeing to temporary stabilization in the economy, the Secretary General simultaneously resorted to counter-measures — a general party “purge”.

Davis was able to show the characteristics of the complex of stabilization measures, called “mini-reforms”. The Soviet economic system that emerged as a result of the “mini-reforms” of 1931–1933 embodied features that were absent in the “command-and-control” model. Money played a significant, albeit subordinate, role in Soviet state socialism, and “economic accounting” was set as an auxiliary goal.

The “mini-reforms” of the early 1930s reflected J. Stalin's understanding of the essence of the crisis and the ways out of it and were limited, delayed and inconsistent. The regime's ability to survive was directly dependent on the fate of industrialization in the USSR.

Keywords: Tucker, Davis, Russia, USSR, Stalin, industrialization, planning, five-year plan, industry, mythology.

ПРОНИКНОВЕНИЕ В СУДЬБУ ЧЕЛОВЕКА И СТРАНЫ

Эта статья планировалась в 2019 г. — к столетию рождения видного американского историка Роберта Чарльза Такера (1919–2010). Но, во-первых, не всегда наши замыслы осуществимы. Во-вторых, только собственные исследования позволяют более отчетливо представить масштаб научного творчества коллег.

Книга Р. Такера «Сталин-диктатор. У власти. 1928–1941»¹ представляет собой яркий пример того, как глубокая симпатия к России, соединенная с талантом исследователя, позволяет обогнать время в науке. Десятилетие (1944–1953 гг.), проведенное в СССР, принесло молодому американскому переводчику посольства США в Москве не только любовь к советской девушке, ставшей его супругой, но и живой интерес к России и ее истории. Вся последующая научная жизнь Такера определялась изучением советской истории, прежде всего, ее «сталинского периода». Для Такера Россия, по сути, стала второй Родиной, а годы преподавания в Принстонском университете — временем основания и реализации его программы по русистике.

Русский перевод монографии Такера² позволил отечественным историкам, к сожалению, лишь через 22 года после появления англоязычного издания, ознакомиться с результатами исследований «самого выдающегося и влиятельного из всех американских, а может быть, и западных специалистов по России его времени»³.

Сложность задачи, стоящей перед Такером, заключалась в том, что технический сотрудник американского посольства в Москве, увезший в 1953 г. в США советскую гражданку, а в 1954–1958 гг. — исследователь в «РЭНД корпорейшн» — организации, известной по засекреченной работе для оборонных и разведывательных ведомств, был лишен возможности работать в советских архивах. Широкий круг советских журналов и газет, книги советских историков времен хрущевской «оттепели» и, в меньшей степени, публикации конца 1980-х годов, массив разнообразной эмигрантской литературы лишь

¹ *Такер Р. Сталин-диктатор. У власти. 1928–1941* / Пер. с англ. А.Э. Габриэляна. М., 2012. 797 с.

² *Tucker R. Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941*. New York, 1990. 707 p.

³ *Коен С. Роберт Ч. Такер (1918–2010): учитель, коллега, друг* // Родина. 2010. № 10. С. 47.

частично восполняли этот пробел. Компенсирующим фактором стали исследовательский талант, целеустремленность и настойчивость автора.

Книга, получившая высокую оценку исследователей, на первый взгляд, не нуждается в дополнительном обращении к ней. Но есть неизученный аспект, высветившийся спустя годы после ее появления: поиск ответа на вопрос, в чем же заключается принципиальное новшество монографии? Можно выделить ряд важных положений. Во-первых, это указание Такера на расхождение решений пленумов ЦК 1929 г. и той реальной политики, которая осуществлялась в советском государстве⁴. Генеральная линия партии нарушалась не «правыми оппортунистами», а Сталиным и его сподвижниками! Так, например, первый пятилетний план, одобренный XVI партийной конференцией в апреле 1929 г., не требовал проведения коллективизации⁵. Более того, и на Ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК среди руководителей регионов преобладало мнение о неготовности к сплошной коллективизации⁶.

Во-вторых, важное методологическое значение имеют слова Такера о том, что и после 1929 г. те, кто поддержал позицию Сталина, не были еще «сталинистами» в смысле автоматического одобрения всех его решений⁷. Большинство членов ЦК, отвечающих за конкретные отрасли экономики и регионы, выполняя сталинские директивы, сталкиваясь с провалами волюнтаристского курса, не желали принимать пропагандистские тезисы за реальность. Показательно, что итоги XVI съезда партии, одоббившего сталинские резолюции, Такер назвал «разочаровывающими»: браваурный тон резолюций съезда скрывал критику положения дел в экономике, прозвучавшую у многих делегатов⁸. Дальнейшим шагом стало появление в 1930 г. оппозиционных групп среди партийных работников, ранее поддержавших Сталина, говорившее о растущем недовольстве генсеком в управленческом эшелоне⁹.

Книга Такера раскрывает психологические и политические качества диктатора: неспособность критически подходить к оценке своих действий; веру в собственную непогрешимость и вытекавшую из нее готовность приписывать себе любые успехи¹⁰. Душевное равновесие Сталин восстанавливал самоубеждением, что в партии и в советском обществе «гнездится измена»¹¹. Борьба с «изменниками», «врагами народа» превращалась в важную составляющую государственной политики. При этом, отмечает Такер, у сталинских подозрений не было «обратного хода»: сделать «перевод» из мнимых врагов в обычных советских людей он был не в состоянии¹². В то же время существенной частью деятельности генсека стал сбор компрометирующих сведений на партийных деятелях. На поиск компромата был нацелен Комитет партийного контроля при ЦК ВКП (б)¹³.

Трагедией советской истории обернулась сталинская позиция — отнесение «непротарского» населения к разряду потенциальных врагов: тем самым Сталин противопоставлял значительную часть населения «социалистическому государству». В результате террористический, карательный характер внутренней политики стоил жизни миллионам советских людей¹⁴.

Формируя на основе марксистской идеологии мифологические конструкции, Сталин фактически сам превращался в их пленника. Так, миф о «разветвленном заговоре» стал

⁴ Такер Р. Указ. соч. С. 109.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 170.

⁷ Там же. С. 169.

⁸ Там же. С. 67.

⁹ Там же. С. 257–261.

¹⁰ Там же. С. 197.

¹¹ Там же. С. 267.

¹² Там же. С. 199.

¹³ Там же. С. 158.

¹⁴ Там же. С. 125–130, 587.

частью сознания генсека. Отождествление себя с партией, требование безусловной поддержки любых начинаний привело Сталина к ситуации, при которой любые деловые замечания, расходящиеся с официальной пропагандой, рассматривались как контрреволюционные действия, как «происки врагов»¹⁵.

Ложь о произошедшем «великом переломе» в деревне осенью 1929 г. послужила основой мифа о «социалистическом» характере коллективизации¹⁶. В монографии Такера убедительно показана роль Сталина в продавливании левацких формулировок в проект Постановления ЦК о незамедлительном начале коллективизации (сокращение сроков коллективизации; безоговорочное недопущение кулаков в колхозы; директивы о «ликвидации кулачества как класса»; исключение из проекта Постановления ЦК положения о том, что после вступления в колхоз крестьянин может оставить у себя мелкий инвентарь, домашнюю птицу, корову и другую мелкую собственность)¹⁷. Такое силовое воздействие было осуществлено вопреки мнению большинства членов комиссии, созданной Политбюро 5 декабря 1929 г.¹⁸

Сила сочеталась с масштабным социально-психологическим обманом: никакого провозглашенного Сталиным «великого перелома» в деревне осенью 1929 г. не существовало — отмечает Такер. Перемены на местах были инициированы сверху и осуществлялись административными мерами с помощью запугивания. По сути, государство экспроприировало значительную часть имущества крестьянских хозяйств¹⁹.

Катастрофические последствия такого «революционного» эксперимента зимой 1929—1930 гг. вызвали крайнее замешательство Сталина и его сподвижников и возложение вины на местных функционеров²⁰.

Миф о «безграничных возможностях государства» привел Сталина к той степени экономического экстремизма, за которой начиналось, по определению Такера, «вакханальное планирование» и превращение плановой экономики в свою противоположность²¹. Осознание пагубности социально-экономического курса в годы первой пятилетки привело советское руководство к убеждению в необходимости более рациональной политики. Ответом Сталина стал политический маневр: согласившись на временную стабилизацию в экономике, генсек одновременно запустил противовес — «общепартийную чистку». Начавшаяся 1 июня 1933 г. в десяти крупнейших городах СССР, она привела к исключению из партии каждого шестого коммуниста, вызванного в «комиссии по чистке»²².

Комплекс мероприятий по жесткому подчинению партийцев сочетался с введением системы привилегий для управленцев; постоянными перемещениями «назначенцев» и угрозой жизни для сомневающихся в непогрешимости вождя. В таких условиях «генеральная чистка» партийных рядов закономерно превращалась в прелюдию «Большого террора» 1937—1938 гг.²³ Главным объектом «чистки» стали старые большевики, причастные, по мнению генсека, к антисталинским настроениям и действиям на XVII съезде партии²⁴.

Такер убедительно показал искусственность раздуваемой кампании по исходящей от Запада в конце 1920-х — начале 1930-х годов угрозе войны. Необходимость быстрой подготовки к предстоящей войне и максимально ускоренные темпы осуществления всех социалистических преобразований стали для Сталина обоснованием превращения страны в «осажденную крепость» с режимом политики самоизоляции²⁵.

¹⁵ Там же. С. 267—268.

¹⁶ Там же. С. 173—174.

¹⁷ Там же. С. 174—180.

¹⁸ Там же. С. 174.

¹⁹ Там же. С. 167, 169.

²⁰ Там же. С. 221—224.

²¹ Там же. С. 123—124.

²² Там же. С. 301.

²³ Там же. С. 140—144, 155—161, 271—272.

²⁴ Там же. С. 296—298, 303—306, 320, 551—556.

²⁵ Там же. С. 66—68.

Общий вывод Такера очевиден: радикальные преобразования в СССР, инициированные Сталиным, проводились под административным давлением сверху и были экономически необоснованы. Масштаб потерь говорил не только о неэффективности, но и о непродуманности, волонтаристском характере выбранного варианта развития страны. Созданный гигантский промышленный потенциал был ориентирован на количественные показатели, отличался высокой затратностью и расточительностью сил и ресурсов, низким качеством выпускаемой продукции. Такой вывод особо актуален сегодня, когда высказывается мнение об отсутствии альтернативы сталинской модернизации²⁶.

Монография Такера, обогнав время, показала несостоятельность того мифологического пространства, которое долгие десятилетия выдавалось за социализм. Обращение к жанру «психобиографии» позволило Такеру создать запоминающийся портрет Сталина как человека, умеющего работать и учиться, но готового ради сохранения власти пойти на любое преступление. Вместе с тем и в силу специфичности жанра, и в силу ограниченности базы источников, Такер весьма схематично касается проблем индустриализации.

Указав на наличие в управленческом корпусе немалого количества сторонников рациональных подходов в экономической сфере, монография обходит стороной конкретные примеры сопротивления нарушениям сталинских экспериментов. Выскажу предположение, что жанр «психобиографии» оказался более подходящим для первой книги Такера — о становлении Сталина как политического деятеля²⁷, чем для анализа деятельности Сталина на посту лидера партии и страны.

СВЕРХУ ВИДНЕЕ

Новые подходы к изучению индустриального проекта в СССР связаны с именем выдающегося британского историка-советолога Р.У. Дэвиса (1925 г. рождения). Как и Такера, с историей СССР Дэвис связала Вторая мировая война. Став в 1943 г. в 18 лет пилотом британских военно-воздушных сил, в годы военной службы Дэвис убедился в том, что Советский Союз принял на себя главный удар нацистов. В 1950 г. бывший летчик-фронтовик получил степень бакалавра в Школе славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета. Дэвис специализировался на изучении экономической истории СССР. По оценке германского историка Ш. Мерля, Дэвис — «без сомнения, лучший знаток советской экономической истории, которой он занимается почти полвека, а его труды отличает тщательный и добросовестный анализ источников»²⁸.

Исследования Дэвиса были прежде всего направлены на изучение противоречий экономического развития СССР в годы первой пятилетки. Этой проблеме были посвящены пять из шести книг (выпусков) цикла «Индустриализация в Советской России». Сердцевиной цикла стала книга «Индустриализация Советской России. Том 4. Кризис и прогресс в советской экономике, 1931–1933 гг.»²⁹.

Так получилось, что свои главные книги Такер и Дэвис выпустили в свет в одном возрасте — 71 год — времени подведения определенных итогов. В фундаментальной монографии «Кризис и прогресс в советской экономике, 1931–1933 гг.» впервые был проанализирован сложнейший узел переплетения реализации индустриального проекта (первого пятилетнего плана); становления командно-административной системы; процесса милитаризации советской экономики. Залогом успеха стало кропотливое, свободное от

²⁶ Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативности сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010. 246 с.

²⁷ Такер Р. Сталин. Путь к власти, 1879–1929. История и личность / Пер. с англ. Р. Такер. М., 1991. 478 с.

²⁸ Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 307.

²⁹ Davies R.W. Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke – London, 1996. 612 p.

идеологических канонов изучение исторических документов; исследование эволюции взглядов участников событий как сложного и изменчивого, зависящего от множества факторов процесса. Там, где в советское время индустриализация (ее советский этап) понималась как поступательное победоносное движение, а в постсоветское — был сделан акцент на провалы и просчеты экономической политики, монография Дэвиса создавала картину полную страстей, поисков, ошибок и находок; верности идеологическим догмам и попыткам их преодоления. Складывается впечатление, что бывший летчик и в исторических исследованиях сохранил способность видеть панораму событий и воссоздавать ее на объективной основе с помощью лаконичных сдержанных оценок.

Можно выделить основные новаторские положения книги Дэвиса. Автор проследил нарастание ненаучных «левацких» взглядов в высшем руководстве СССР в различных сферах экономики на протяжении «особого квартала» 1929–1930 гг. «Производственные планы были настолько преувеличены, что невозможно было заключать реалистичные контракты»³⁰, — отмечал Дэвис. Поскольку под эти планы было открыто «щедрое финансирование предприятий», это означало, что «деньги никто не считал», и дорога к стремительной инфляции была открыта. Все многочисленные попытки директивным образом ввести хозрасчет и экономное расходование денежных средств ни на уровне наркоматов, ни на предприятиях — не увенчались успехом³¹. В обстановке выдачи средств банками, автоматически — независимо от хода реализации плана и качества произведенных работ³² — государственная политика только внешне носила централизованный характер. На самом деле экономические ведомства мало контролировали ситуацию.

В инфляционных условиях 1930 г. денежное стимулирование за счет дифференцированной заработной платы приобрело второстепенное значение. На первый план вышли распределение жилья, улучшенные пайки и дополнительные отпуска³³. Взгляд автора отмечает «традиционную враждебность к сдельной работе»³⁴ даже у тех советских управленцев, которые тесно были связаны с экономикой, а призыв партии «выкорчевать торгашеский дух из работы потребительской кооперации», Дэвис саркастически характеризует как «замечательный своей утопичностью»³⁵.

Волюнтаристски необоснованное увеличение капитальных вложений в промышленность на основе оторванных от реальности планов; репрессии против специалистов, сопровождаемые травлей ученых и инженерно-технических работников; разрушительные последствия коллективизации поставили страну на грань экономической катастрофы. Кризис охватил всю экономику, но особенно — угольную и металлургическую отрасли промышленности³⁶.

Осознание опасности, пишет Дэвис, в конце 1930 г. пришло Сталину и самым догматичным его сторонникам. Поиски выхода из кризиса побудили советское руководство приступить к ряду стабилизационных мер, получивших в монографии название «мини-реформ»³⁷.

Отсчет «мини-реформ» Дэвис начинает с проведения с 30 января по 4 февраля 1931 г. Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, собравшей представителей ВСНХ, ВЦСПС и руководителей ряда отраслевых профсоюзов, ряда управленцев из государственных и партийных контрольных структур³⁸.

³⁰ Davies R.W. Op. cit. P. 51.

³¹ Ibid. P. 49.

³² Ibid. P. 52.

³³ Ibid. P. 53.

³⁴ Ibid. P. 56.

³⁵ Ibid. P. 59.

³⁶ Ibid. P. 18–19.

³⁷ Ibid. P. XV, 82, 111, 118, 209, 217–223.

³⁸ Ibid. P. 11.

В условиях, когда ни одно контрольное задание на 1930 г. не было выполнено, конференция взяла курс на принятие ряда решений, направленных на активизацию осужденных в конце 1920-х годов экономических стимулов и преодоление скомпрометированных в 1930 г. методов управления экономикой. Лидеры СССР демонстрировали и заметно менее враждебное отношение к «буржуазным специалистам», чем «в последние полтора года»³⁹.

«Миниреформы» предполагали использование не только административных методов, но и различные формы стимулирования заработной платы, применение ограниченных рыночных рычагов⁴⁰. Возникшая в результате «миниреформ» 1931–1933 гг. советская экономическая система при Сталине и после него «постоянно воплощала в себе несколько важных черт, отсутствующих в “командно-административной” модели: деньги играли значительную, хотя и подчиненную роль в советском государственном социализме, а “экономический учет” ставился как вспомогательная цель для каждой экономической единицы. Труд контролировался не только административными приказами, но и посредством стимулирования заработной платы; существовал “квазирынок” для труда»⁴¹. Таким образом, в научную литературу был внесен новый объект исследования — командная система, но со стихийно действующими на всех уровнях производства и распределения рыночными и квазирыночными особенностями.

Британский историк высветил факт рождения и длительного существования двух параллельных миров советской экономической жизни в посленэповской реальности. Дэвис фиксирует дату рождения этой сложной и противоречивой системы — 1932 г., но не называет дату ее смерти.

Развивая мысль Дэвиса, современные историки смогли углубить представления о «гибриде», существовавшем в недрах довоенной советской экономики. С указанного времени (1932 г.), пишет Ш. Мерль, командная экономика начала сливаться с «теневой», сохраняя широчайшее пространство действия неформальной рыночной экономики⁴². По мнению российской исследовательницы Е.А. Осокиной, внедрение сверху принудительно командной экономики уродовало рынок, но не могло искоренить его. Более того, командная экономика не могла существовать без рынка, ведь он, выполняя важнейшие социально-экономические функции, помогал плановой экономике компенсировать дефицит товаров и перераспределять товарные ресурсы⁴³.

Обобщающий характер носит суждение российского историка О.В. Хлевнюка: в советской плановой экономике, в идеале предполагавшей распределение ресурсов и средств между предприятиями из единого центра, на самом деле действовали квазирыночные корректирующие элементы, прежде всего ограниченные и, как правило, нелегальные товарно-денежные отношения⁴⁴.

Дэвис дал наиболее развернутую оценку XVII конференции ВКП (б). По мнению Дэвиса, конференция «отразила двусмысленность и неопределенность, преобладавшие (в руководстве страны. — М.Ф.) в начале 1932 года». Кризисная ситуация в промышленности и в сельском хозяйстве, срыв практически всех плановых заданий заставили Сталина отказаться от выступления на конференции. На первый план вышли управленцы, непосредственно отвечающие за экономику. В докладе народного комиссара тяжелой промышленности С.Г. Орджоникидзе об итогах 1931 г., в докладах о второй пятилетке

³⁹ Ibid. P. 13.

⁴⁰ Ibid. P. XV.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Мерль Ш. Указ. соч. С. 314.

⁴³ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 2008. С. 13.

⁴⁴ Хлевнюк О.В. Сталинский период советской истории. Исторические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. 2017. С. 75.

председателя СНК СССР В.М. Молотова и председателя ВСНХ В.В. Куйбышева содержались попытки определить место индустриализации в развитии советского социализма. При этом второй пятилетний план, подчеркивает Дэвис, обсуждался с гораздо большей умеренностью, чем в 1930–1931 гг.⁴⁵ Индустриальный проект переходил в рациональное русло.

Однако парадокс и трагедия экономической жизни в СССР заключались в том, что марксистская идеология, отрицающая любые проявления рынка, и советская экономическая действительность находились в состоянии потенциального конфликта. Не случайно на протяжении всех 1930-х годов звучали постоянные магические заклинания о необходимости «подлинного внедрения хозрасчета» на всех уровнях производства. Однако советская управленческая система была готова лишь к формальным переменам, но не к сущностным изменениям.

Следует отдать должное Дэвису, сумевшему на основе научного изучения широкого пласта первоисточников обратиться к непредвзятому изучению не только итогов социально-экономического развития СССР, но и степени осмысления результатов Первой пятилетки представителями советского руководства.

Дэвис не без иронии пишет: «Первый пункт повестки дня пленума ЦК партии, проходившего с 7 по 12 января 1933 года, был смело озаглавлен “итоги первой пятилетки и народно-хозяйственный план на 1933 год — первый год второй пятилетки”»⁴⁶. «Смелость», отмеченная Дэвисом, заключалась, видимо, в том, что итоги 1932 г., а с ним и первой пятилетки, подводились уже через неделю после окончания календарного года, тогда как технические возможности тщательного подсчета требовали иных, существенно больших сроков.

В пользу этого утверждения говорит факт, что все три доклада на Пленуме об итогах первой пятилетки (Сталина, Молотова, Куйбышева, а также речь Орджоникидзе) появились в печати лишь с незначительными изменениями по сравнению с печатным стенографическим отчетом, сохранившимся в архивах⁴⁷. Все это позволяет утверждать, что подготовленные заранее доклады руководителей СССР весьма приблизительно были связаны с анализом статистических показателей. Монография Дэвиса позволяет проследить хронологию событий: 3 декабря 1932 г. Политбюро ЦК ВКП (б), подводя итоги года, определило размеры капиталовложений на 1933 г., на основе которых 5 января 1933 г. Совнарком принял секретные декреты «О государственном бюджете и экономическом плане на 1933 год»⁴⁸.

Секретность распределения капиталовложений прочно войдет в практику управления в СССР, определяя, например, не только соотношение объявленных (1450 млн руб.) и реальных (4178 млн руб.) расходов на оборону в 1933 г.⁴⁹, но и общую закрытость данных о подлинной финансовой политике Советского Союза.

Вывод Дэвиса носит весьма осторожный характер: драматический опыт кризисных событий в годы первой пятилетки вызвал определенную «деидеологизацию» экономической политики, подтолкнув советское руководство к более прагматическому пониманию принципов управления.

Вместе с тем монография Дэвиса показывает, что если для части руководства СССР стабилизация в экономике объективно означала ограничение рамок мифологического пространства «фундамента социализма», то для Сталина и его наиболее догматичных сторонников курс «миниреформ», воплотивший в себя несколько важных черт, отсутствующих в командно-административной модели (товаро-денежные отношения,

⁴⁵ Davies R.W. Op. cit. P. 133–140.

⁴⁶ Ibid. P. 317.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Ibid. P. 319.

система стимулирования заработной платы, «квазирынок» для труда, легализация рыночной торговли), грозил потерей абсолютного господства в партии, обществе и в государстве, поскольку рушилась вся система догматических аргументов о вреде рынка, товарно-денежных отношений, экономической самостоятельности производителей, порождая вопросы о причинах провалов в экономике начала 1930-х годов.

«Миниреформы» начала 1930-х годов действительно отражали сталинское понимание сути кризиса и путей выхода из него и носили ограниченный, запаздывающий и непоследовательный характер⁵⁰. Индустриальный проект из документа, рожденного в недрах Госплана СССР, превратился в своеобразный исторический объект, требующий сравнения с характеристиками развитых капиталистических стран. Способность сталинского режима к выживанию оказывалась в прямой зависимости от судьбы индустриализации в СССР.

* * *

Симпатия иностранных исследователей к России сама по себе еще не гарантирует высокого уровня исторических исследований. Дэвису и Такеру в этом отношении повезло: они увидели мир на изломе и посвятили жизнь изучению увиденного. Британский и американский ученые отказались от идеологизированного и одномерного рассмотрения истории Советской России. Отсутствие идеологической цензуры, господствовавшей в СССР, позволило им провести свободный объективный анализ документов и опередить на несколько десятилетий отечественных историков. Книги Такера и Дэвиса стали классикой историографии, а классика не стареет.

Библиография

Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативности сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010.

Коев С. Роберт Ч. Такер (1918–2010): учитель, коллега, друг // Родина. 2010. № 10. С. 47.

Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 303–349.

Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 2008.

Такер Р. Сталин. Путь к власти 1879–1929. История и личность / Пер. с англ. Р. Такер. М., 1991.

Такер Р. Сталин-диктатор. У власти. 1928–1941 / Пер. с англ. А.Э. Габриэляна. М., 2012.

Хлевнюк О.В. Сталинский период советской истории. Исторические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. 2017. С. 71–80.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

Davies R.W. Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke – London, 1996.

Tucker R. Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941. New York, 1990.

References

Esikov S.A. Rossijskaya derevnya v gody nepa: K voprosu ob al'ternativnosti stalinskoj kollektivizacii (po materialam Central'nogo Chernozem'ya) [Russian village in the years of the New Economic Policy: On the question of the alternative of Stalinist collectivization (based on materials from the Central Black Earth Region)]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Stalinskij period sovetskoj istorii. Istoricheskie tendencii i nereshennyye problem [Stalinist period of Soviet history. Historical trends and unsolved problems] // Ural'skii istoricheskii vestnik [Ural Historical Bulletin]. 2017. P. 71–80. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury [Master. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moskva, 2010. (In Russ.)

⁵⁰ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 117.

Koen S. Robert Ch. Taker (1918–2010): uchitel', kollega, drug [Robert Ch. Tucker (1918–2010): teacher, colleague, friend] // Rodina [Homeland]. 2010. № 10. P. 47. (In Russ.)

Merle S. Sovetskaya ekonomika: sovremennye ocenki [Soviet economy: modern estimates] // Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik. 2016–2017 [Economic history. Yearbook. 2016–2017]. Moskva, 2017. P. 303–349. (In Russ.)

Osokina E.A. Za fasadom “stalinskogo izobiliya”: Raspreделение i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941 [Behind the facade of “Stalinist abundance”: Distribution and the market in supplying the population during the years of industrialization. 1927–1941]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Taker R. Stalin. Put' k vlasti 1879–1929. Istoriya i lichnost' / Per. s angl. R. Taker [Stalin. The path to power 1879–1929. History and personality / Translated from R. Tucker]. Moskva, 1991. (In Russ.)

Taker R. Stalin-diktator. U vlasti. 1928–1941 / Per. s angl. A.E. Gabrielyana [Stalin-dictator. In power. 1928–1941 / Translated from A.E. Gabrielyan]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Davies R.W. Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke – London, 1996.

Tucker R. Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941. New York, 1990.